Андрей Блинов

Таинственная шкатулка

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
1973

©

Володи Артюхова есть дед. Зовут его — проще и не придумаешь — Иван Иванович. И по внешности он тоже, ну самый обыкновенный. Володя запросто рисует его портрет карандашом. Прибежит, бывало, домой из школы и, прежде чем за уроки браться, снимает со стены военную фотографию деда в лакированной коричневой рамке, берёт из тетради листок и начинает срисовывать.

Прежде всего появлялась пилотка с большой звездой, лоб с морщинами, нос и усы, чуть-чуть подкрученные кверху, а потом — всё остальное: рот, подбородок, уши. Труднее всего было с дедовыми усами. Они не получались похожими на настоящие. Володя то и дело возвращался к ним, перерисовывал.

На плечах у деда Ивана погоны, на них одна поперечная полоска. Володя рисовал три, так было красивей. И когда дед забегал проведать, как живут Володины папа, мама да и сам Володька, то непременно обращал внимание на новые рисунки и, довольно прищёлкивая языком, говорил: «Спасибо, в звании повысил. Командир мой, старшина Веретенников, так и не успел это сделать до окончания войны».

Ещё Володя пририсовывал деду Ивану автомат, его почему-то на снимке не было. Дед получался воинственным. Это нравилось старику, и он, довольный, говорил: «Воевал-то я другим оружием. Оно хотя врага не убивало, зато нас сильнее делало... — И дед таинственно улыбался. — Вот, правильно, что вооружил меня. Карабин и кинжал у меня, конечно, были, но я редко ими пользовался, а сниматься и вовсе постеснялся».

И вообще за дедом водились тайности. У него дома на старом дубовом буфете стояла резная шкатулка. При Володе дед ни разу её не открывал, и сколько ни просил внук открыть, старик отшучивался: мол, ключ утерян, открыть её потому невозможно, а ломать — жалко, что ни говори, красива, да и подарок. Шкатулку деду подарили его сослуживцы из поселковой столовой, где он работает шеф-поваром,

в день, когда ему стукнуло пятьдесят лет. Володе был тогда всего один год.

Володя любил бывать в доме деда Ивана. Куда бы он заходил после уроков, пока папа и мама были на работе? Где бы он мог запросто порезвиться и побегать босиком и не слышать мамино строгое: «Надень тапочки!»? И где бы он часами возился у плиты, изобретая с дедом неслыханную еду, вроде русской похлёбки? Они так любили её, и надо только подумать, что похлёбки этой ещё не было ни в одном меню мира, потому что она выдумана дедом и, как он говорил внуку Володе, до сих пор «никем не утверждена».

В этот день после уроков Володя побежал на ледяную горку, с которой ребята обычно катались на портфелях. Всё было хорошо, если бы не Колька Помозов, забияка и задира. Вырвал из-под Володьки портфель, отбросил далеко в сугроб. Они и схватились: затрещало ухо у Володиной шапки, а у Колькиной отлетело вовсе.

Возвращаться домой всё равно было не с руки — от мамы жизни не будет, а бабка хоть и поворчит, но ухо к шапке пришьёт, и Володя направился к деду.

Баба Тоня, едва Володя перешагнул порог, тотчас узрела проруху, хотя внук и старался её скрыть, не огорчать с первой же минуты. Но баба Тоня такая: видит и сквозь землю. Глаза её все в окружении морщин, синенькие и зоркие, так и охватят Володю всего сразу, и ничего от них не скроется.

— Опять подрался?

Володя согласно кивает, потупившись.

— Опять с Помозовым?

Володя снова кивает.

— Ты начал? — строжает баба Тоня.

Тут Володя вскидывает голову:

— Он начал. Ну, а я...

— Оборонялся, значит, — баба Тоня смиряет свой гнев, берёт шапку, отряхивает с неё снег. Если внуку приходилось обороняться, то баба за это не ругала. Тут уж никуда не денешься. Иной раз даже и похвалит: оборонился, и молодец.

Шапка повешена над плитой — пусть сушится. Потом, когда подсохнет мех, баба Тоня живо прихватит ухо, как будто и не болталось оно на одной ниточке.

— А где деда? — спрашивает Володя.

— Припоздает сегодня Иван Иванович. Собрание у него. Со всего треста питания, сказывал, народ прибудет. А раз его дома нет, для меня это вроде отпуска — уйду к соседям повязать. Как твоя шапка высохнет, вернусь и пристрочу ухо.

Баба Тоня приметно взглянула на Володю, стараясь выведать, как он к этому отнесётся, может, домой запросится, но Володя не такой дурак, чтобы показать своё желание поскорее остаться одному. А может, баба просто его разыгрывает? Но нет, она привела Володю на кухню, где стоял такой приятный запах голубцов, что Володя чуть не подавился слюной.

Баба Тоня быстро собрала внуку поесть.

— Ну, я пошла, — сказала она, кутаясь в шаль, — а ты не балуйся, делай уроки. А то твоя мамка отвадит тебя ходить к нам.

И как только баба Тоня ушла, стукнув в сенях дверью, Володя забыл и про голубцы и про кашу —

не много у него было вечеров, когда он один на один оставался с дедушкиной таинственной шкатулкой, которую ему не разрешалось трогать, а тем более — открывать. Но сколько же можно терпеть загадку? Да и как он может дальше жить, если шкатулка у него из головы не выходит?

Он снял шкатулку с буфета и, прежде чем поставить на стол, встряхнул её: внутри что-то зашуршало, а потом зазвякало... тоненько и жалобно.

Шкатулка была лёгонькой, вырезанной из липы. С высокой островерхой крышкой. Она походила на домик сказочных гномов, только без окошек и дверей. На одной из стенок по низу выжжено: «Ивану Ивановичу Артюхову в день 50-летия от сослуживцев и товарищей». Ни замка, ни шарниров у шкатулки не было. Была одна-единственная дырочка в донышке, такая маленькая, что в неё не входил никакой ключик, даже от бабушкиной швейной машины. Как же открыть шкатулку и узнать её тайну? Володя долго вертел шкатулку, ставил её то на бок, то на крышку, то просовывал в дырку стальную вязальную спицу — ничего не получалось. Он совсем было отчаялся, как случилось чудо — шкатулка открылась. Как это получилось, Володя не знал и поначалу не обрадовался, а испугался. Когда прошёл испуг, он осмотрел крышку: как, оказывается, всё просто. Надави крышку и чуть подвинь, вот и всё! А что же в шкатулке? Он заглянул внутрь. На донышке, среди старых пожелтевших газетных вырезок, что-то блестело. Он запустил руку и вытащил сразу три бронзовые медали и одну белую серебряную.

«За освобождение Варшавы»...

«За взятие Берлина»...

«За победу над Германией»...

«За отвагу»!

Что ещё есть в шкатулке? Орден! Это, конечно, орден! Серебряная большая звезда на ленточке. В кружочке Кремлёвская башня.

— Слава, — прочитал Володя на ободочке. Орден Славы! Ну и дедушка... Почему он не носит его и даже не показывает? Почему? Если бы такой орден был у Володи, он каждый день, отправляясь в школу, вешал его на грудь.

Володя прикрепил орден к рубашке и побежал к зеркалу. Зеркало висело высоко, пришлось залезть на стул. Теперь видно! Ах, как сверкала серебряная звезда с Кремлёвской башней в кружочке!

Покрасовавшись перед зеркалом, Володя вернулся к столу и тут, перебирая вырезки из газет, увидел на фото лица,

проступающие будто сквозь дымку, и среди них усатое и такое молодое лицо деда Ивана. Он его сразу узнал: разве у кого есть ещё такие усы?

Дед Иван стоял у пузатого смешного орудия на колёсах. Из ствола шёл дым.

Накануне дня Советской Армии учительница спросила, у кого из ребят есть родственники-орденоносцы. Володя Артюхов поднял руку.

— У моего дедушки Ивана Ивановича — орден Славы.

Весь класс зашумел, загалдел.

— Врёшь, никакого ордена у него нет, — сказал Колька Помозов.

— И не вру! — Руки Володи сами собой потянулись к Колькиным вихрам.

— Он же повар. Мой папа говорил: и на фронте твой дед кашу варил, а за кашу ордена не дают, — Колька Помозов, как всегда, всё знал.

— У него есть ещё и медали. Целая горсть, даже не входят, — и Володя показал, как не входят медали в его горсть. Ребята дружно повернулись и взглянули на его протянутую руку, но никаких медалей в ней, конечно, не было.

— Хорошо, Володя, — сказала учительница, — мы пригласим твоего деда на наш праздник героев. Может, ты сам ему передашь нашу просьбу?

Володя представил, какое лицо будет у деда, когда он узнает о раскрытой тайне, и ему вдруг стало жарко.

— Нет, нет, — сказал он, — дед меня не послушает.

— Ха! — засмеялся Колька Помозов, но его никто не поддержал. Всем было интересно, за что же награждён орденом Славы повар поселковой столовой, который был на фронте кашеваром, такой тихий дедушка, но с лихими усами.

И все стали ждать праздника героев. А Володя переживал ужасно: его дед не убивал немцев, а варил кашу. А он-то считал его героем!

За неделю до праздника учительница и ещё двое ребят из пионерского отряда постучали в дверь домика, в котором жил

Иван Иванович Артюхов. С газетой в руке старик вышел навстречу нежданным гостям. На носу у него чудом держались очки в железной оправе — одна дужка была поломана. Он глядел поверх очков и ничего не мог понять. Может, Володька набедокурил, но почему же они пришли к деду, никогда такого не было. У парня есть отец и мать...

Скрывая смущение, дед Иван сказал:

— Прошу, прошу. Чем обязан столь высоким гостям?

— Вы уж извините, Иван Иванович, дело у нас такое, что никак нельзя откладывать. Ребята не раз наведывались, да всё не заставали. А праздник на носу.

Дед удивился:

— Какой праздник?

— Праздник героев, — сообщила учительница и подумала, что Володя всё-таки ничего не сказал деду.

Отступая в глубь квартиры, Иван Иванович весело засмеялся и, обращаясь к бабке, заговорил:

— Слышь, баб, меня в герои произвели. Ну и ну!

— Иван Иванович, — сказала учительница, — к нам на праздник собираются земляки, самые что ни на есть герои, у кого есть высокие награды. Наши следопыты многих разыскали. Из областного центра пообещал приехать майор. До войны в нашем районе он был военкомом.

— Почему такая честь нашему посёлку?

— Не посёлку, дедушка, а школе, ну и посёлку, конечно. Наш Музей славы занял первое место среди школ области.

— Ну, баб, какой же я герой? — обратился старик к подошедшей бабе Тоне. Та махнула рукой, но сказать ничего не успела, учительница с обидой в голосе произнесла:

— Но у вас же, дедушка, орден Славы... Никого в районе с такой наградой нет.

Дед так и сел от неожиданности. Покачав головой, взглянул на бабушку: она, только она, знала о его награде. Правда, писали в дивизионке, но кто её читал и где она сейчас? Наверно, листки-то уже истлели. Да, верно, знал ещё командир полка полковник Виноградов, который вручил ему орден, но он сложил свою голову на плацдарме на берегу чужой реки. Вечная ему память и слава!

А за что ему тогда дали орден, Иван Иванович так и не понял как следует. Медаль «За отвагу» — это настоящая награда за его участие в войне. А работал он у своей кухни безотлучно, кормил роту в отступлении и на маршах к передовой, в обороне и когда наступали. А сколько раз был под бомбёжкой и в обстрелах, тонул в реках, горел в лесных пожарах! За это

всё его наградили красивой серебряной медалью. Он любил её и дорожил ею. А орден?

Орден вроде бы попал ему не по адресу...

Не расскажешь даже, не вспомнишь — и вспоминать-то вроде нечего, и рассказывать не о чем...

О чём тут расскажешь, да ещё ребятам, которым только и

подавай схватки с врагом, стрельбу из автоматов, танковые атаки и гром «Катюш». За всю войну Иван Иванович собственноручно не убил ни одного фашиста.

За что же тут давать орден, да ещё Славы?

О чём же он расскажет ребятам? И Володька там будет... Он-то считает деда героем...

Иван Иванович вздохнул.

Баба Тоня успокоила учительницу:

— Придёт он, придёт. Не мастер рассказывать о себе, да что поделаешь, коль назвался груздем...

Дед метнул в её сторону сердитый взгляд, но было уже поздно.

Учительница и ребята обрадовались, скорёхонько собрались и ушли.

Всю неделю до праздника героев Иван Иванович не находил себе места. Никак не мог он отгадать, откуда стало известно в школе про его орден. И Володька не забежит. Выведать бы у него, что ребятам интереснее всего знать про войну?

Можно было бы кое-что и придумать. Мало ли пишут в книжках разных историй.

И чем ближе подходил праздник героев, тем сильнее охватывали деда Ивана волнение и тревога.

В канун праздника отец Володи повёз маму в районный центр к врачу. Наказал деду:

— Володьку забери к себе. Один дома, кабы что не натворил. И уроки чтобы не забывал.

Теперь для Володи ночевать у деда было хуже всяких испытаний: он маялся виной перед дедом — раскрыл его тайну. В иные минуты ему было радостно, что дед у него не какой-нибудь обыкновенный человек: его орден — единственный в районе. И в то же время он стыдился за деда: вот так воевал, ни одного фашиста не прошил из автомата.

В тот день Володя нарочно дольше обычного задержался в школе, но голод не тётка. Как назло, дед рано пришёл с работы и ходил из угла в угол, задумавшись, мрачный, расстроенный. Володька, схватив кусок хлеба, попытался ускользнуть на улицу, но дед строго остановил его:

— Поешь сидя, и за уроки.

— Дедушка, — взмолился Володя, — меня ждут.

— А уроки?

— Уроки? — Володя хотел соврать, что их не задали сегодня, но не соврал, а сказал лишь, что задали чуть-чуть, и он сделает всё, когда вернётся.

Дед ещё не спал, когда мокрый с ног до головы Володя прибежал с улицы. Заданий на дом и на самом деле было чуть-чуть. Володя быстро всё сделал и свернулся на диване калачиком. Такой удобный у деда диван, и так хорошо на нём спать. Сон уже совсем захлёстывал его мягкой и тёплой волной, когда рядом раздались шаги и послышался севший до хрипоты голос деда:

— Володя, внучек... Скажи, какой у вас завтра этот самый праздник будет? Может, не обязательно мне говорить? Я бы посидел молчком. А?

Как у вас там бывает, все говорят или нет? У нас на фронте слёт был однажды, так я просидел в закутке и никто меня не вызвал на трибуну.

Володя поднял голову — он уже сердился на деда: и чего он боится, если орден ему дали за самый настоящий подвиг? Рассказал бы, как всё было. Однажды он видел в кино, как повар в белом колпаке вместо каски стрелял из пулемёта по фашистам. Дед ведь тоже мог стрелять...

И Володя сказал об этом.

Иван Иванович отошёл от дивана, на котором лежал внук, задумался. «А что? И я мог стрелять из пулемёта», — обрадовался он. Лёг спать и, засыпая, видел, как его послали за языком, потому что разведчики никак не могли его достать, а полковнику Виноградову он непременно был нужен; как тёмной ночью Артюхов переплыл реку с термосом. Тьфу, чёрт, зачем же в разведке термос? Как выследил немецкого ефрейтора. Ефрейтор здоровый, тренированный — что в сравнении с ним щуплый низкорослый повар? Но Иван Иванович безбоязненно схватился с ефрейтором, завернул ему руки за спину, сунул в рот кляп. «Вот так его, так!» — загорелся воображаемой борьбой Иван Иванович. Возбуждённый, он ещё долго не мог уснуть. Во сне ему снился всё тот же толстый ефрейтор, и чужая река, и лодка на чёрной воде, глубоко осевшая от тяжести. Проснувшись утром, Иван Иванович с такой ясностью представил всю картину своего подвига, что сразу успокоился — теперь ему есть что рассказать ребятам. Он приоделся по-праздничному, прикрепил свой орден и медали и, весёлый, направился в школу.

В учительской уже сидели трое мужчин. Один из них был в военной форме в звании майора. Как узнал Иван Иванович, майор приехал из областного центра в родное село.

Поздоровались, как водится, похлопали друг дружку по спине: «О, да на тебе ещё можно пушку возить»... «А ты? Ты, брат, танк на ходу остановишь...» «В космос не просился?»

И пошли разговоры, как да что было в ту военную пору. Вставил своё слово и Иван Иванович, вспомнил, как воевал на Первом Белорусском.

Майор сразу оживился:

— Так ты с Первого Белорусского? У кого воевал?

Конечно, Иван Иванович мог бы назвать и комбата, и ротного, и старшину Веретенникова, но решил сразу козырнуть большим начальством: у полковника Виноградова...

— У Василия Петровича? Вот был командир! Так я же с ним столько лет воевал... От комроты до командира батальона. А ты?

— Да так себе, я вроде, и не военным был. Кашеварил...

— Так я знаю тебя. Ты отличился на плацдарме.

— Откуда вы знаете? — По спине Ивана Ивановича прошёл холодок: да, верно, как раз тогда было с орденом...

— Я ведал наградами в дивизии.

Иван Иванович хотел изобразить на лице весёлость, но у него не получилось: все его приготовления полетели в тартарары. Придётся ему рассказывать, как он варил кашу. Кто будет его слушать? И каким он будет выглядеть? И как стыдиться будет его внук Володя, который считал его героем.

Когда они вошли в школьный спортивный зал, Иван Иванович всё видел будто сквозь сон. Ребята хлопали в ладоши, и цветы им приподнесли, и красные галстуки повязали — всё это он будто видел и не видел. Ему дали слово, и он, оглядев зал, увидел внука Володю. Отступать было некуда, надо было что-то говорить, и он начал.

— Прошёл я, ребята, войну от первых дней и до последних.

Да, в последние-то дни не знаю, кого больше кормил, — солдат своей роты или немецкую ребятню? Полгорода обслуживал. Я разливал гороховый суп и раздавал пшённую кашу... В очереди стояли... Вот за войну я и получил медали.

— А орден за что? — крикнул кто-то из ребячьих рядов, наверное, Колька Помозов.

— Орден? За дело, ясно. Без дела ордена не дают... — Иван Иванович замолчал.

— Об этом я расскажу, — сказал майор поднявшись. — Я всю историю с орденом Артюхова знаю. Ребята, я рад, что приехал к вам сегодня. Мне посчастливилось встретиться с учениками — моими земляками, с родной школой, в которой я учился задолго до войны, встретиться с Иваном Ивановичем Артюховым, моим дважды земляком. Мы родились с ним в одном районе и воевали в одной дивизии, в одном полку.

Тут ребята здорово захлопали. Иван Иванович после аплодисментов чуть-чуть пришёл в себя и подумал, что это и на самом деле хорошо, что они встретились. Надо майора увести домой и накормить русской похлёбкой.

А майор продолжал:

— Я после ранения стал начальником наградного отдела дивизии. Получаю однажды документы от полковника Виноградова и нахожу в них своего земляка по фамилии Артюхов. Понятно, обрадовался. Но когда прочитал дело, задумался: непонятно что-то... Звоню своему бывшему командиру полковнику Виноградову: так мол и так, и он мне тогда нарисовал картину... Представляете, ребята, на пятачке земли, на этом плацдарме, который мы захватили за рекой, можно было жить только под землёй, каждый метр, нет, пожалуй, сантиметр простреливали фашисты. Нельзя было костёр разжечь, затопить в землянке печку: немцы по дыму открывали огонь из пушек и

миномётов. У бойцов в окопах намокали валенки, и по ночам на посту многие обмораживали ноги... Трудно? Да! Но плацдарм надо было удержать.

Весь зал слушал майора, ребята ждали, когда он начнёт говорить о деде Иване. И вот майор заговорил:

— С того берега везут на лодках обмороженных, с этого — пополнение. А попробуйте доставить хотя бы взвод солдат на виду у немцев! Какие ещё потери придётся нести! И несли потери. Двойные. И от огня и от мороза. А тут вдруг полковник Виноградов заметил, что вторая рота третьего батальона совсем не даёт сведений о потерях от обмораживания. В чём дело? Вот тут-то и стал известен подвиг Артюхова, ротного повара. Представляете, однажды он пособрал по окопам после раненых валенки, хорошо просушил их у своей кухни и в лодке вместе с термосами переправил на плацдарм. Фашисты стреляли по лодке, вокруг неё рвались снаряды и мины, поднимая столбы воды. Солдаты, кто шёл в ночное дежурство, поскидывали промокшие валенки, понадевали сухие. В ту ночь впервые в роте никто не обморозился.

«Точно так было! — вспомнил Иван Иванович, — я привёз им ночью борщ да кашу, а обратно забрал мокрые валенки. Точно, обмороженных не было...»

— И так каждую ночь Иван Иванович, — майор взглянул в сторону деда, — привозил сменные валенки, так каждые сутки два-три солдата, а то и больше его заботами оставались в боевом строю. Вы представляете, за неделю целое отделение солдат спасал. И никто ему это не приказывал. И я, конечно, с лёгким сердцем подписал все документы и как следует доложил командиру дивизии о подвиге своего земляка.

Майор торжественно выпрямился, шагнул к Ивану Ивановичу, тот поспешно вскочил, оттолкнул стул, но никто не обратил внимания, как стул покатился к стене. Майор обнял старика, и оба почему-то заплакали. Майор первым пришёл в себя, засмеялся:

— А от твоих усов гречневой кашей пахнет.

Иван Иванович не растерялся:

— Милости прошу, товарищ майор, ко мне в гости. Сварю настоящую, фронтовую.

— С тушёнкой?

— С тушёнкой.

В зале стоял шум и гомон, никто уже не сидел на своих местах. Ребята окружили гостей, разглядывали ордена, медали, гвардейские значки.

Володя стоял рядом с дедом. Он гордился им.

Вечером дед Иван сварил для гостя русскую похлёбку и гречневую кашу с тушёнкой. Майор, расстегнув китель, сидел за столом и с аппетитом ел и хвалил блюдо, которое изобрёл старый повар.

Иван Иванович разглаживал усы и говорил:

— Всё дело в специях. А специи — травы лесные, ну и кое-какие огородные.

— Твоя похлёбка тепла придаёт. Это солдату в самый раз, особенно зимой, — хвалил майор.

Володька глаз не сводил с майора. Столько у него орденов и медалей и по крупной звезде на каждом погоне, а такой простой и ни чуточку не зазнаётся. А самое главное — деда в настоящие герои произвёл. Теперь Колька Помозов больше не пикнет. И похлёбку дедову хвалит. Правда, Володе больше нравится гречневая каша. Это настоящая солдатская пища, вкусная и сытная. Володька забыл, что ещё недавно чувство-

вал себя виноватым перед дедом и, наверно, не вспомнил бы сейчас своей вины, если бы дед не заговорил об этом. Прищурившись и хитровато поглядывая на внука, дед сказал:

— Вот только не отгадаю, откуда узнала Володина учительница о моём ордене? А? Никто, кроме бабки, и ведать не ведал. Неужто она выдала тайну?

— Значит, утечка секретной информации? — засмеялся майор. — Сейфы надо было запирать покрепче.

— Сейф у меня, видите, липовый. Нет, в самом деле, из липы вырезан. — И дед достал с буфета шкатулку.

Отступать было некуда, и Володя признался:

— Я рассказал учительнице...

— Да? — удивился дед, хотя за удивлением он не сумел скрыть того, что уже раньше догадывался об этом.

— Что же тебя толкнуло на этот шаг, дорогой товарищ внук?

Володя молчал, он уже не помнил, что его толкнуло. Майор пришёл на выручку:

— Обидно стало, что герой живёт в безвестности?

— Ясно, обидно, — подхватил Володя, обрадовавшись подсказке.

А дед приступал:

— Как ты открыл мой сейф?

— Так вы же сами сказали, что он липовый...

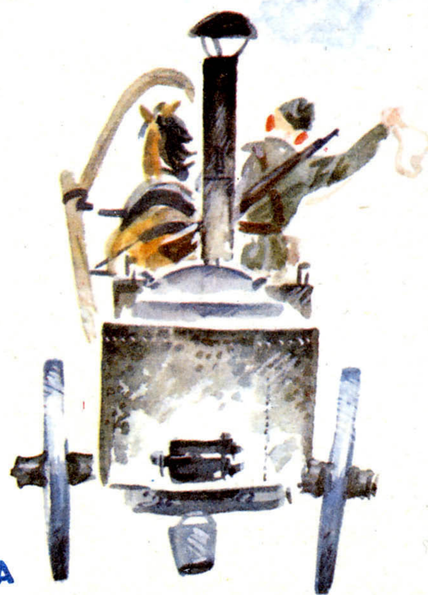
Дед Иван, баба Тоня, майор — все весело засмеялись. Не смеялся только Володя — ждал новых вопросов.

Но вопросов больше не было.

22 коп.

РИСУНКИ Л. ХАЙЛОВА

Для старшего дошкольного возраста

Андрей Дмитриевич Блинов

ТАИНСТВЕННАЯ ШКАТУЛКА

Редактор Н. Сендерова. Художественный редактор Ю. Поливанов. Технический редактор Т. Щептева. Корректор С. Бланкштейн. Сдано в производство 11/VIII-72 г. Подписано в печать 15/II-73 г. Формат 60×90/8. Печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 3,8. Тираж 300 000. Изд. № 585. Заказ № 710. Издательство «Малыш» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Отпечатано Ленинградской фабрикой офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 197101, Кронверкская ул., 7. с диапозитивов Калининского полиграфкомбината детской литературы.

Б $\frac{0761-009}{М102(03)-73}$ 10—73

SHAMAN57
2017